

Когда миновали самые жаркие дни лета, изнуряющая духота наконец спала. В Тростниковом переулке установили новый трансформатор, и бесконечные перебои со светом прекратились. Шэнь Нянь пошёл в третий класс средней школы — начался новый учебный год.

Шэнь Нянь не знал, радовали ли прочих учеников школьные будни, но сам в первый день занятий тихо вздохнул с облегчением.

До смерти отца Гу Чжи учился в городской частной школе. Шэнь Чуншань поначалу хотел перевести мальчишку поближе к дому, но выяснилось, что тот числился там лишь вольнослушателем, а перенос документов был связан с такой волокитой, что дело замяли. Частная школа находилась далеко от учебного заведения Шэнь Няня, совсем в другом районе. Гонять Шэнь Няня через весь город, чтобы тот подвозил «младшего брата», было нереально — отец даже не заикался об этом. Может, из вежливости, а может, боялся доверить ребёнка. Как бы там ни было, для Шэнь Няня это стало настоящим спасением.

В первый же день занятий Лян Цю ждал его у навеса для велосипедов. Вокруг толпились знакомые ребята — все по очереди обкатывали его новый горный байк. Лян Цю не жадничал: прислонившись к столбу, он спокойно наблюдал, как приятели передают велосипед из рук в руки. Завидев издали Шэнь Няня, он первым делом мазнул взглядом по его раздолбанному старенькому велику и про себя грязно выругался.

Шэнь Нянь спешил и покатил свой транспорт под навес. Не успел он и слова вымолвить, как Лян Цю буркнул:

— Я так и знал. Дядя Шэнь хрен тебе что купил.

Шэнь Нянь сдержанно улыбнулся:

— Купил. Просто я не стал на нём ехать.

— Взаправду купил? — Лян Цю недоверчиво сощурился. — Тоже горник? Такой же, как у меня?

— Нет.

—... Только не говори, что точно такой же бабушкин колымаг, как этот.

— Ну, вроде того.

Шэнь Нянь развернулся и пошёл к учебному корпусу. Лян Цю, которому уже наскучили чужие покатушки, бросил ключ от замка пацанам, велел пристегнуть велик и нагнал друга. Закинув руку ему на плечо, он спросил:

— А этот мелкий прихвостень тоже в школу пошёл?

— Угу, — отозвался Шэнь Нянь. — Отец поехал его провожать.

— Сейчас-то ладно, а когда дядя Шэнь снова уйдёт в рейс? — Лян Цю недовольно поморщился.
— Опять всё на тебя повесят? Сяо Нянь, ты вообще потянешь? Тебе же придётся вставать на полчаса раньше. А учиться когда?

— Не переживай, отец больше не ездит в дальнбой. Нашёл работу у нас, в городе.

Лян Цю потерял дар речи. Лишь когда Шэнь Нянь ушёл вперёд, он опомнился, подбежал и перегородил ему дорогу:

— Ради Гу Чжи, да?! Сяо Нянь, скажи честно: этот прихвостень — внебрачный сын твоего отца? Ни в какой другой бред я в жизни не поверю!

Шэнь Нянь молча смотрел на него. Но Лян Цю уже закипал, не замечая тоски в глазах друга:

— Ты три года жил один! Тебе было одиннадцать, когда отец впервые бросил тебя одного дома и умотал в рейс! А теперь что? Отдал ему твою комнату, купил ему кондиционер, а ради этой мелюзги даже работу бросает?! С какого перепугу?!

Проходившие мимо ученики стали оглядываться на его крики. Не желая привлекать к себе внимание, Шэнь Нянь тихо вздохнул:

— Не надо, Цю-гэ.

— Ты мой лучший друг, я тебя как родного брата считаю! — горячился Лян Цю. — Я просто видеть не могу, как об тебя ноги вытирают!

— Ты старше меня всего на месяц, — едва заметно улыбнулся Шэнь Нянь.

— Хоть на день — всё равно старший брат! — отрезал Лян Цю. — Переезжай ко мне! Мои родители тебя обожают. Если ты переберешься к нам, они от счастья с ума сойдут. Не знаю, как там насчёт остального, но еда и нормальная комната тебе обеспечены. Да и заботы получишь в сто раз больше! Мои предки к тебе будут относиться лучше, чем ко мне!

— А почему ко мне должны относиться лучше, чем к тебе? — тихо спросил Шэнь Нянь. — Потому что я чужой? Посторонний человек, которому нельзя перечить, чтобы не обидеть? Так? А вдруг мой отец думает точно так же?

Лян Цю попёрхнулся словами. Он хотел возразить, но не нашёл что ответить. Шэнь Нянь слегка улыбнулся:

— Разве плохо, что отец вернулся и работает в городе? Не будь его, возиться с Гу Чжи пришлось бы мне. А так я свободен. Разве не здорово?

— Здорово, блин, — с досадой выплюнул Лян Цю.

До самого конца уроков Лян Цю не оставлял попыток его уломать:

— Точно ко мне не пойдёшь?

— Как-нибудь потом, — вспомнив слова Гу Чжи, ответил Шэнь Нянь и легенько улыбнулся. — Кто знает, может, и впрямь приду к вам пожить на пару дней.

— Зачем на пару дней? — подхватил Лян Цю. — Переезжай насовсем и фамилию меняй. Будешь Лян Нянь — по-моему, звучит отлично.

Когда Шэнь Нянь вернулся домой, ни отца, ни Гу Чжи ещё не было. Сбросив портфель, он отправился в лавку за продуктами.

К тому моменту, как ужин был готов, на переулок уже опустилась темнота, но из своих никто так и не появился. Попытка дозвониться до Шэнь Чуншаня ничего не дала — тот не брал трубку. Шэнь Няню ничего не оставалось, кроме как уйти к себе в комнату и сесть за учебники.

Весёлые голоса у ворот раздались, когда часы на столе показывали почти восемь вечера. Выйдя из северной комнаты, Шэнь Нянь увидел, как отец и Гу Чжи, держась за руки, входят во двор. В руках у отца было полно пакетов. Заметив сына, Шэнь Чуншань добродушно улыбнулся:

— Заждался? Я возил Сяо Чжи в центр, пройтись по магазинам. Сезон меняется, докупили ему вещей.

Шэнь Нянь коротко отозвался и направился к кухне:

— Пойду разогрею еду.

— Ты ещё не ел? — опешил Шэнь Чуншань, и на его лице тут же отобразилось чувство вины. — Я думал, ты не станешь нас ждать... У меня телефон разрядился, не смог предупредить. Мы с Сяо Чжи уже поужинали в городе.

Шэнь Нянь замер у дверей кухни в западной пристройке, так и не подняв дверную занавеску. Ему вдруг стало невыносимо горько.

После появления Гу Чжи каждый его день был примерно таким же, как сегодня. Но именно в эту минуту внутри него вспыхнула обида — давящая, слепая, с которой он не мог справиться.

Три часа. Три долгих часа прошло с момента окончания уроков. Час он готовил, два часа просидел в ожидании. И ради чего?

Хоть бы слово сказали...

— Я поел, — тихо произнёс Шэнь Нянь. — Просто волновался, вдруг вы голодные. Раз поужинали, то и хорошо.

Шэнь Чуншань заметно повеселел:

— Вот и ладненько! Тогда убери всё в холодильник, завтра утром разогреем. И готовить ничего не придётся.

— Хорошо, — Шэнь Нянь отдернул занавеску и вошёл в кухню.

Вообще-то он был очень голоден. Но сейчас кусок в горло не лез. Он несколько секунд молча простоял над двумя приготовленными блюдами, а затем убрал их на полку холодильника. Обернувшись, он обнаружил в дверном проёме Гу Чжи. Мальчишка стоял, скрестив руки, и пристально наблюдал за ним.

— Ты ведь не ел, верно? — с едва уловимой усмешкой спросил Гу Чжи. — И почему не признаешься? Сделал бы так, чтобы дядя Шэнь почувствовал вину, он бы относился к тебе лучше. Неужели даже такой простой вещи не понимаешь?

Шэнь Нянь промолчал.

— Жалко его? — Лисёнок чуть прищурился. — Ну... сам виноват. Получай то, что заслужил.

Шэнь Нянь не стал ничего отвечать. Обойдя Гу Чжи, он направился к выходу. Грудную клетку сжимало от спёртого воздуха, дышать было нечем. Он вышел во двор, но, замерев у ворот, осознал, что ему совершенно некуда идти.

«Просто пройдуся. Проветрюсь немного».

Проходя мимо дома бабушки Цинь, он заметил старушку, сидевшую в своём маленьком

дворике. Наслаждаясь вечерней прохладой, она неспешно обмахивалась плетёным веером. Увидев у калитки Шэнь Няня, бабушка Цинь с теплой улыбкой помахала ему рукой, приглашая войти.

Идти ему всё равно было некуда, поэтому Шэнь Нянь вошёл во двор. Старушка указала на бамбуковый табурет у дверей северной комнаты:

— Принеси табуреточку, посиди с бабушкой. Погода сегодня хорошая, свежо, только комары донимают. Посиди, я на тебя навею веерком, они и отступят.

Принеся табурет, Шэнь Нянь уселся рядом, но веер у старушки забрал и сам стал осторожно обмахивать её.

Бабушка Цинь не стала возражать. Ласково глядя на мальчика, она тихо проговорила:

— Обидели моего Сяо Няня...

За те три года, что Шэнь Нянь жил один, все соседи по переулку так или иначе присматривали за ним. Но бабушка Цинь заботилась о нём больше всех: каждый день звала обедать, а если он отказывался, сама приносила домашнюю еду. И когда мальчик болел, именно она сидела у его постели.

За свои четырнадцать лет Шэнь Нянь впервые ощутил, что такое настоящее семейное тепло. И подарила ему это ощущение вовсе не мать, Ю Сяюэ, и не отец, Шэнь Чуншань, а эта чужая, не связанная с ним ни каплей крови старушка.

— Ты у нас молчун, — вздохнула бабушка Цинь, — но я ведь тебя с пелёнок знаю. Может, всего я и не ведаю, но сразу вижу, радостно у тебя на душе или кошки скребут. Отец разозлил?

Шэнь Нянь молчал, не зная, с чего начать.

— А мальчишка тот... не так прост, — тихо добавила бабушка Цинь. — Ты ему не соперник.

Шэнь Нянь замер, подняв на неё глаза.

Старушка мягко улыбнулась:

— Уж больно шелковый. Слишком ладный, слишком умеет людям угодить. Сколько ни говорю с ним, каждое слово у него подобрано — так аккуратно, так приятно слушателю, что невольно радуешься.

Шэнь Нянь и подумать не мог, что именно бабушка Цинь первой раскусит фальшь за показной покорностью Гу Чжи. Но если даже старушка всё поняла, почему же Шэнь Чуншань до сих пор ничего не замечает?

— Разве это плохо? — тихо спросил Шэнь Нянь.

— Снаружи-то красиво, да, — вздохнула бабушка Цинь. — У меня с ним делить нечего. Он мне говорит то, что я хочу слышать, мне приятно. Таких детишек все любят, вот и в переулке о нём ни единого дурного слова не скажешь.

Шэнь Нянь знал это по себе. Каждый раз, возвращаясь с Гу Чжи с прогулки, Шэнь Чуншань сиял как свежеевыкрашенный медяк, да и соседи вокруг только и хвалили «славного сиротку».

— Только чем он шелковее, тем мне за тебя тревожнее, — продолжала бабушка Цинь, с глубоким сочувствием глядя на Шэнь Няня. — В его-то годы полагается глупости делать, капризничать да характером бунтовать. А если ребёнок говорит ровно то, что от него ждут, и ни в чём не оступает — это же лис сплошной, а не дитя! Не знаю, видит ли твой отец, но мой Сяо Нянь точно слёзы глотает. Гляжу на тебя в последние дни — улыбка с лица совсем сошла, даже притворяться сил нет.

Уходя из дома, Шэнь Нянь чувствовал себя раздавленным. Его душила обида, мир казался чёрным. Но от простых, полных тепла слов бабушки Цинь тяжесть на сердце улеглась, уступая место тихой грусти.

— Бабушка... — Шэнь Нянь посмотрел на неё и еле слышно спросил: — Скажи... я правда такой несносный? Меня совсем нельзя любить?

Эта мысль преследовала его давно. С тех пор как мать перестала замечать его существование, а отец со спокойной душой уезжал на месяцы, оставляя его одного, эта отравленная мысль плелась за ним по пятам. Но он ни разу не произносил её вслух. Всё, что мог вынести и чего не мог, он всегда молча хоронил в себе.

Впервые в жизни он осмелился задать этот вопрос. Ему отчаянно хотелось узнать: неужели дело действительно в нём? Почему иначе родные мать и отец отворачиваются от него, словно от чужого?

— Что за глупости! — Бабушка Цинь нахмурилась, в её голосе зазвучала строгость. — Как тебе такое в голову взбрело?! С чего бы это моему Сяо Няню быть несносным? А бабушка тогда ради кого столько лет живёт?

Шэнь Нянь горько улыбнулся и ничего не ответил.

— Ты просто слишком послушный, — с нежностью глядя его по волосам, тихим голосом

произнесла она. — А сладости достаются тому дитяти, что умеет плакать. Тот мальчик действительно умеет нравиться. Но ты-то — родной сын! Твой отец с самого твоего рождения дома толком не бывал, видела я его раз в год по обещанию. Он просто не привык быть отцом, не умеет общаться с тобой. Но человек он не злой. Может, сейчас, глядя на того сироту, он поймёт, каково это — быть родителем. Ты попробуй сам сделать шаг навстречу, Сяо Нянь. Отец обязательно увидит.

Шэнь Нянь долго молчал, а затем медленно покачал головой.

Он пытался. В детстве изо всех сил искал расположения Ю Сяюэ; когда отец приезжал домой, из кожи вон лез, лишь бы принести ему радость, надеясь, что на него хотя бы взглянут. Но все попытки закончились ничем.

Он протягивал руки, но никто не захотел его подхватить.

Теперь Шэнь Нянь просто боялся. Чем снова переживать удушающую боль разочарования, он предпочитал с самого начала ни на что не надеяться.

Шэнь Нянь поднялся с бамбукового табурета, опустился перед бабушкой Цинь на корточки и прижался щекой к её коленям.

— Бабушка... я немного так постою, ладно?

— Постой, милый, — со слезами на глазах прошептала старушка. Забрав веер из его рук, она стала мягко, плавно обмахивать его. — Не бойся ничего. Бабушка с тобой. Бабушка тебя любит.

<http://bllate.org/book/20601/2112315>